

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Новый Орлеан

Четверг, 20 февраля, 23.00

Она медленно, как во сне, разделась и, когда на ней ничего не осталось, взяла яркую красную ночную рубашку, чтобы не было заметно крови. Дорис Уитни окинула взглядом спальню и в последний раз убедилась, что уютная комната, с которой она сроднилась за тридцать лет, аккуратно и чисто прибрана. Выдвинула ящик комода и осторожно достала пистолет. Он отливал черным и пугающе холодил ладонь. Дорис положила оружие рядом с телефоном и набрала номер дочери в Филадельфии. Она слушала эхо далеких гудков. Потом раздалось:

— Алло?

— Трейси, дорогая, мне просто захотелось услышать твой голос.

— Приятный сюрприз, мама.

— Надеюсь, не разбудила?

— Нет, я читала. Только-только хотела лечь спать. Собирались с Чарлзом где-нибудь поужинать, но погода слишком отвратительная. Снег вовсю валит. А у тебя как?

«Господи, мы говорим о погоде, — подумала Дорис Уитни. — Мне так много хочется ей сказать, но я не могу».

— Мама, ты слышишь меня?

Дорис Уитни посмотрела в окно:

— Дождь, — и усмехнулась. Как мелодраматически соответствует моменту. Словно фильм Альфреда Хичкока.

— Что там у тебя за шум?

Гром. Погруженная в свои мысли, она и не заметила. Над Новым Орлеаном разразилась гроза. Затяжной дождь, сообщили в сводке погоды. Шестьдесят шесть градусов тепла*. К вечеру ожидается гроза. Не забудьте зонтики. Ей зонтик не понадобится.

— Это гром, Трейси. — Дорис старалась, чтобы в голосе прозвучали веселые нотки. — Расскажи, что делается в Филадельфии?

— Чувствую себя, как принцесса в сказке, — ответила дочь. — Никогда бы не подумала, что человек может быть так счастлив. Завтра вечером знакомлюсь с родителями Чарлза. — Она понизила голос, словно для того, чтобы сделать официальное заявление. И выдохнула: — Стенхоупы из Честнат-Хилл. Солидные люди. У меня внутри порхают бабочки размером с динозавров.

— Не беспокойся, ты им понравишься.

— Чарлз сказал, это не имеет значения. Он любит меня. А я его просто обожаю. Жду не дождусь, когда ты увидишь его. Он потрясный!

— Не сомневаюсь. — Ей не суждено познакомиться с Чарлзом. Не суждено качать на коленях внуков. Нет, нельзя об этом думать. — Он хоть понимает, как ему повезло с тобой, малышка?

— Я ему постоянно об этом твержу, — рассмеялась Трейси. — Ну, хватит обо мне. Лучше расскажи, что там у тебя? Как ты себя чувствуешь?

«У вас прекрасное здоровье, Дорис, — заявил доктор Раш. — Доживете до ста лет». Вот она, ирония судьбы.

— Прекрасно. — Пусть малышка успокоится.

— Не завела себе приятеля?

---

* По Фаренгейту. Около 18°C. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Отец Трейси умер пять лет назад, но, несмотря на подзуживание дочери, Дорис Уитни не помышляла встречаться с другим мужчиной.

— Никаких приятелей. — Она переменяла тему. — Как у тебя с работой? Все еще нравится?

— В восторге! Чарлз не возражает, чтобы я работала после того, как мы поженимся.

— Замечательно, девочка. Похоже, он очень разумный человек.

— Так оно и есть. Сама увидишь.

Громкий раскат грома прозвучал, словно закулисная реплика. Пора. Сказано все, кроме последних слов прощания.

— До свидания, дорогая. — Дорис изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрогнул.

— Увидимся на свадьбе, мама. Я тебе сразу позволю, как только мы с Чарлзом назначим дату.

— Договорились. — Все же осталась одна, самая последняя, фраза. — Я люблю тебя, Трейси. — Дорис Уитни осторожно положила трубку на рычаг.

Она взяла пистолет. Был только один способ сделать это. Быстро. Дорис поднесла ствол к виску и нажала на курок.

2

Филадельфия

Пятница, 21 февраля, 8.00

Трейси Уитни вышла из парадной двери дома, где снимала квартиру, на бесконечный серый дождь со снегом, сыпавший и на проезжавшие мимо по Маркет-

стрит лимузины, за рулем которых сидели шоферы в униформе, и на пустующие дома Северной Филадельфии с заколоченными окнами. Дождь отмыл автомобили и размочил высокие осклизлые кучи мусора перед фасадами брошенных зданий. Направляясь на работу, Трейси Уитни бодро шла по Честнат-стрит по направлению к банку и едва удерживалась от того, чтобы громко не запеть. На Трейси был ярко-желтый плащ, сапоги и желтая непромокаемая шляпа, едва вмещавшая копну ее каштановых волос. У двадцатипятилетней Трейси было умное, живое лицо, полные чувственные губы, сияющие глаза, преобразовавшиеся в один миг из мшисто-зеленых в темно-нефритовые, и ладная спортивная фигурка. В зависимости от того, была ли Трейси усталой, сердитой или взволнованной, кожа ее представляла полную палитру цветов: от полупрозрачно-белого до насыщенно-розового. Мать однажды сказала ей: «Честное слово, дочь, я иногда не узнаю тебя — ты вобрала в себя все оттенки ветра».

Трейси шла по улице, и люди, видя ее счастливое лицо, оборачивались и улыбались. И она улыбалась им в ответ.

«Неприлично быть такой счастливой, — думала Трейси. — Я выхожу замуж за любимого человека. Рожу от него ребенка. Чего еще можно желать?»

Приближаясь к банку, Трейси посмотрела на часы. Двадцать минут девятого. В филадельфийский банк «Траст энд фиделити» служащие могли войти не ранее половины девятого. Но руководитель международного отдела старший вице-президент Кларенс Десмонд уже снимал наружную охрану и открывал двери. Трейси с удовольствием наблюдала утренний ритуал. Стоя под дождем, она ждала, пока вице-президент войдет в банк и запрет за собой двери.

Все банки мира славятся хитроумными тайными приемами охраны, и филладельфийский «Траст энд фиделити» не составлял исключения. Сама процедура всегда оставалась одинаковой — менялся только условный сигнал, обновлявшийся каждую неделю. В этот день таким сигналом служили полуприспущенные жалюзи: они информировали ждущих на улице служащих о том, что обследование помещений в самом разгаре и сейчас выясняется, не проникли ли в банк злоумышленники, которые только и ждут, как бы захватить сотрудников в заложники. Кларенс Десмонд проверял туалеты, хранилища, подвалы и залы, где располагались сдаваемые клиентам сейфы. И лишь убедившись, что он в помещении один, поднимал жалюзи и давал знать, что в банке все в порядке.

Первым всегда впускали старшего бухгалтера. Он занимал место у кнопки сигнализации тревоги и ждал, когда войдут все служащие, а затем запирали за ними двери. Ровно в половине девятого Трейси Уитни вместе с коллегами вошла в изысканно украшенный вестибюль и, втайне удивляясь тому, что другие сетовали на дождливую погоду, сняла плащ, шляпу и сапоги.

— Чертов ветер унес мой зонтик, — жаловался один из коллег. — Я до нитки промок.

— Я заметил, что на Маркет-стрит плавают две утки, — пошутил старший кассир.

— В прогнозе сообщали, что предстоит неделя такой погоды. Хотел бы я оказаться сейчас во Флориде.

Трейси улыбнулась и отправилась на рабочее место. Она отвечала за электронные трансферы. До недавнего времени перевод денег из одного банка в другой и из одной страны в другую был долгим, трудоемким процессом, который требовал заполнения множества формуляров и зависел от работы национальных и международных почтовых служб. С появлением компьютеров

ситуация кардинально изменилась, и огромные суммы моментально перемещались в пространстве. Задача Трейси состояла в том, чтобы извлекать из компьютера ночные трансферы и переводить в другие банки. Все трансакции совершались под кодами, которые регулярно менялись, чтобы воспрепятствовать незаконному вмешательству. Ежедневно через руки Трейси проходили миллионы электронных долларов. Работа захватывала — ведь она имела дело с животворящим кровеносным потоком, наполнявшим артерии мирового бизнеса. И до того как в ее жизни появился Чарлз Стенхоуп-третий, банковские операции казались Трейси самым волнующим делом на свете. Филадельфийский банк «Траст энд фиделити» имел большой международный отдел, и за обедом Трейси обсуждала с коллегами утренние события. Это были разговоры продвинутых людей.

— Мы только что закрыли стомиллионный синдицированный заем Турции... — объявляла старший касир Дебора.

Секретарь вице-президента Мэй Трентон доверительно понижала голос:

— Сегодня утром на совете директоров принято решение участвовать в предоставлении дополнительных средств Перу. Первый взнос — свыше пяти миллионов долларов.

— Я так понимаю, — добавлял патриот банка Джон Крейнтон, — что мы намерены втравиться в пятидесяти-миллионный пакет поддержки Мексики. Что до меня, я этим «мокрым спинам»* не дал бы ни единого цента...

— Интересно получается, — задумчиво проговорила Трейси. — Те страны, которые костерят Америку за

---

* Прозвище нелегальных (переплывших реку Рио-Гранде) иммигрантов из Мексики.

излишнюю ориентацию на финансы, всегда первыми просят займы.

По этому поводу она впервые поспорила с Чарлзом.

Трейси познакомилась с Чарлзом Стенхоупом — третьим на финансовом симпозиуме, куда того пригласили как оратора. Он руководил инвестиционной компанией, основанной еще его прадедом и имевшей хорошие связи с банком, где работала Трейси. После выступления Чарлза Трейси подошла к нему и выразила сомнение в том, что развивающиеся страны способны возвращать деньги, которые они по всему миру берут взаймы у государств и частных банков. Чарлз, с удивлением посмотрев на эмоциональную красивую молодую особу, заинтересовался ею. Их спор продолжился во время обеда в старом ресторане «Букбайндер».

Поначалу Чарлз не поразил воображение Трейси, хотя она сознавала, что в Филадельфии он считался завидным женихом. Этот тридцатипятилетний мужчина, ростом пять футов десять дюймов, с редяущими рыжеватыми волосами, карими глазами и серьезными, педантичными манерами, был богатым и преуспевающим отпрыском старинной филадельфийской семьи. Занудный богачей, решила Трейси.

И, словно угадав ее мысли, Чарлз перегнулся через стол и прошептал:

— Отец уверен, что в роддоме ему подменили младенца.

— Почему?

— Потому что я — сплошной атавизм. Не согласен с тем, что деньги — начало начал и основа основ жизни. Только не проговоритесь отцу о том, что я вам рассказал.

От этой подкупающе безыскусной искренности у Трейси потеплело на душе. «Интересно, каково быть замужем за таким мужчиной — человеком, принадлежащим к истеблишменту?» — подумала она.

У отца Трейси ушла вся жизнь на то, чтобы организовать дело, но такое незначительное, что Стенхоупы только усмехнулись бы его мизерности. «Стенхоупы и Уитни никогда не породнятся, — размышляла Трейси. — Нефть и вода. И нефть — это именно Стенхоупы. Господи, о чем это я, идиотка? Тешу свое эго. Мужчина пригласил меня пообедать, а я ломаю голову над тем, хочу ли за него замуж. Скорее всего мы больше никогда не встретимся».

— Надеюсь, вы завтра не заняты и согласитесь со мной пообедать?.. — спросил в это время Чарлз.

Филадельфия — это своеобразный рог изобилия, где есть что посмотреть и есть чем заняться. Субботними вечерами Трейси и Чарлз ходили на балет и слушали Филадельфийский оркестр под руководством дирижера Рикардо Мути. А по будням исследовали Нью-маркет и уникальное собрание магазинов на Сосайети-хилл. Ели сырные стейки в уличных кафе в Джено и обедали в кафе «Ройал», одном из самых фешенебельных ресторанов в Филадельфии. Делали покупки на Хэд-Хаусквер и бродили по Филадельфийскому музею искусств и Роденовскому музею.

Трейси задержалась у статуи «Мыслитель». Взглянула на Чарлза и улыбнулась:

— Это ты!

Чарлз не слишком любил физические упражнения, зато Трейси их обожала, и утром по воскресеньям они трусили по Уэст-ривер-драйв или по набережной Шуйл-кил-ривер. По субботам вечером она ходила на занятия тай-чи-чуан и через час уставшая, но взбодрившаяся шла домой к Чарлзу. Он оказался поваром-гурманом и

готовил для себя и Трейси экзотические блюда вроде марокканской бистиллы, или гоубули — китайских паровых пирожков, или тахин-де-пулет-о-ситрон, то есть цыпленка с лимоном.

Чарлз был самым пунктуальным человеком из всех, кого знала Трейси. Однажды она опоздала на пятнадцать минут на обед, и он был так недоволен, что испортил весь вечер. С тех пор Трейси поклялась приходить к нему всегда вовремя.

Трейси, с ее небольшим сексуальным опытом, казалось, что Чарлз занимался любовью точно так же, как жил — педантично и очень правильно. Однажды она решила особенно понравиться ему в постели и настолько шокировала Чарлза, что почувствовала себя чуть ли не сексуальной маньячкой.

Забеременела Трейси неожиданно и сначала растерялась. Чарлз не поднимал вопроса о браке, а Трейси не хотела, чтобы он считал себя обязанным жениться из-за ребенка. Она не знала, решится ли на аборт, но и мысль о том, чтобы завести ребенка, пугала ее. Сумеет ли она воспитать ребенка без отца? И хорошо ли это по отношению к самому малышу?

Однажды вечером, после ужина, Трейси решила открыться Чарлзу. Приготовила ему у себя дома кассуле, но так нервничала, что пережарила блюдо. Поставила перед ним обуглившееся мясо с фасолью и, забыв отрететированную речь, внезапно выпалила:

— Мне очень жаль, Чарлз. Я беременна.

Последовала невыносимо долгая пауза, и, когда Трейси почувствовала, что вот-вот не выдержит, Чарлз спокойно произнес:

— Мы, конечно, поженимся.

Трейси испытала огромное облегчение:

— Только не думай, что я... что ты обязан на мне жениться...

Прерывая ее, Чарлз поднял руку:

— Я хочу на тебе жениться. Ты будешь прекрасной женой. — И не спеша добавил: — Разумеется, это немного удивит моих родителей. — Он улыбнулся и нежно поцеловал Трейси.

— А почему это удивит их? — тихо спросила Трейси.

— Дорогая, — вздохнул Чарлз, — боюсь, ты не совсем представляешь, во что влипла. Стенхоупы всегда брали в жены, учти, я цитирую, «девушек из своего круга. Из лучших родов Филадельфии».

— И тебе уже подобрали кандидатуру? — догадалась Трейси.

Чарлз обнял ее.

— Это ни черта не значит. Важно то, кого выбрал я. В следующую пятницу я обедаю с матерью и отцом. Пора и тебе познакомиться с ними.

Без пяти девять Трейси заметила, что в банке стало шумнее. Служащие разговаривали немного торопливее и двигались немного быстрее. Через пять минут, когда откроются двери, все должно быть готово. Сквозь окно во фронтоне Трейси видела на улице клиентов — они выстроились на холодном дожде и ждали открытия. Постоянные клиенты имели депозитные карточки с магнитным кодом, и каждый раз, когда делали вклад, компьютер автоматически отправлял поступления на нужный счет. Но были и такие, кто приходил без карточек; им приходилось заполнять формуляры.

Охранник перевел взгляд на часы на стене и, как только стрелка передвинулась на 9.00, подошел к двери и церемонно открыл замок.

Рабочий день начался.

Следующие несколько часов Трейси была слишком занята компьютером, чтобы думать о чем-нибудь еще.

Каждый электронный трансфер следовало перепроверить, чтобы убедиться, правилен ли код. Когда нужно было внести деньги, она набирала номер счета, сумму и название банка, куда поступали средства. Каждый банк имел свой код, который значился в закрытой директории, где можно было узнать коды всех крупнейших банков мира.

Утро промелькнуло быстро. В обеденный перерыв Трейси собиралась сделать прическу и записалась к Ларри Стелла Ботте. Он брал недешево, однако игра стоила свеч — Трейси хотела прийти к родителям Чарлза в наилучшем виде. «Я им понравлюсь, — думала она. — Не все ли равно, кого они выбрали для сына? Никто не сделает Чарлза таким счастливым, как я».

В час дня, когда Трейси надевала плащ, Кларенс Десмонд позвал ее к себе в кабинет. Десмонд был истинным образцом ответственного работника, и если бы банк крутил на телевидении рекламные ролики, он бы отлично справился, произнося в них все важные слова. Консервативно одетый, Десмонд держался с солидной старомодной властью и принадлежал к тем людям, кто внушает доверие.

— Садитесь, Трейси. — Десмонд гордился тем, что знал всех сотрудников по именам. — Скверно на улице. Согласны?

— Да.

— А люди тем не менее приходят в банк. — Он был мастак на светские разговоры. — Слышал, вы обручены с Чарлзом Стенхоупом и собираетесь за него замуж.

— Мы еще ни о чем не объявляли, — удивилась Трейси. — Откуда вы узнали?..

— Все, что происходит со Стенхоупами, ни для кого не тайна, — улыбнулся Десмонд. — Рад за вас. Надеюсь, вы к нам вернетесь. Разумеется, после медового меся-